

**«...Единственная красота –
это правда, которая
становится зримой»
(городская скульптура
как фактор конструирования
этнической и гражданской
идентичности
в постсоветских обществах)**

DOI: 10.12737/1867

Аманжолова Д.А.

Автор проводит сравнительный анализ городской скульптуры Киева и Астаны как важных факторов конструирования этнической и гражданской идентичности в постсоветских реалиях. Обращается внимание на разрывы и преемственность настоящего с советским прошлым, особенности и противоречия этно-социальной и культурной политики Украины и Казахстана, роль скульптурной пластики как элемента современной урбанистической среды, в формировании базовых компонентов общественного сознания и ценностных ориентиров сложной системы самоопределения постсоветских обществ.

Ключевые слова: идентичность, этничность, гражданское единство, город, скульптура, история, политика, культура

Author presents comparative analysis of urban sculpture in Kiev and Astana as important factors for construction of ethnical and civil identity in post-Soviet reality. Particular attention is paid to disbalance and continuity of present life with Soviet past, specifics and contradiction of ethno-social and cultural politics of Ukraine and Kazakhstan, sculpture plastics as the element

of modern urban area for basic components of public conscience formation and value reference points of complex system of self-identification in post-Soviet societies.

Keywords: identity, ethnicity, civil unity, city, sculpture, history, politics, culture

Создавая и преобразуя социально-культурное пространство города, общество не только обустроивает его в интересах комфортного и безопасного проживания, но и эстетизирует место обитания, вкладывает в его облик базовые символы и смысловые ориентиры, позволяющие жителю и гостю получить представление о наиболее ценных и предпочтительных качествах конкретной культурной среды, воплощающей характер, судьбу и идентичность народа в ее постоянном развитии. Об этом — вынесенные в заголовок слова О. Родена.

В этом отношении городская скульптура служит важным маркером волнообразной смены традиционных и инновационных форм культуры [1], постепенного преобразования инновации в традицию, становящуюся фактором конструирования

ния и отражения самосознания и самоопределения общества, этнической и гражданской идентичности. Культурный полиморфизм, присущий народам бывшей Российской империи и бывшего СССР, пережил серьезные испытания в конце XX — начале XXI веков, связанные с реконструкцией идентичностей бывших советских граждан. Наиболее ярким примером того, как городской антураж, в разные эпохи с разной степенью интенсивности наполняясь скульптурной «начинкой», презентует человечеству меняющееся «Я» народа и страны, служат столицы и многие города постсоветских республик.

Хорошо известно, что в критических обстоятельствах смены государственности, особенно если речь идет о распаде такой великой державы, как Советский Союз, происходит болезненная и длительная реидентификация крупных этносоциальных общностей и каждой личности. В СССР длительное время проводилась закономерная для каждого полиэтничного государства политика межкультурной интеграции и консолидации народов страны в единое гражданское целое, где советскость становилась основой целостной нации, понимаемой в политическом и научном контексте современных социальных и правовых практик. В определенном смысле новая идейная оболочка включала в создаваемую по заданным властью параметрам социальную реальность традиционные нормативы общественных коммуникаций, солидарной трудовой деятельности и моделей поведения народов, издавна адаптирующихся к сожительству и сотрудничеству в едином государстве. Эстетическое оформление этих нормативов и новых критериев идентичности отличалось противоречивостью развития стилей и жанров, соединением новаторских поисков с классическими представлениями о прекрасном и безобразном [2].

Чувство комплиментарности и сложный опыт многовекового взаимодействия,

сотрудничества и сожительства объективно толерантных друг другу народов СССР закономерно обеспечивал приоритетное место гражданской идентичности. Повседневная жизнь каждого человека в огромной державе, независимо от официально поддерживаемых установок, складывалась из всей многозначной и разнообразной социокультурной практики. Совместные труд и творчество, профессиональные занятия и увлечения, взаимный обмен уникальным социально-хозяйственным и культурным опытом, скрепленные суровыми испытаниями дружба и товарищество, любовь и семья, единственная и неотъемлемая от гражданского понимания и этнического самосознания Родина служили мощным основанием объединяющего всех патриотизма. Москва была единственной столицей всех народов СССР, Советский Союз не мог восприниматься как некая навязанная извне территория согражданства, поскольку малая родина — республика, область, район, город или деревня — в индивидуальном и групповом сознании не отрывалась от единого государства.

Символом такого гражданского целого служит скульптурное наполнение городской среды, отголоски которого сохраняются по сей день, хотя все то, что наиболее одиозно отражает идеологический диктат власти, планомерно и целенаправленно насаждавшей образы превосходной «коммунистической» морали и трудовой доблести на благо страны и всемирной победы самого прогрессивного общественного строя, уже изгнано из визуального пространства постсоветских городов. Политизация этничности, лежавшая в основе советской государственности и культуры, получала подкрепление в многочисленных памятниках историческим персонажам, внесшим вклад в культурное сближение и политическое объединение народов, а также борцам за советскую власть — представителям титульных этносов и их «старшему брату» — русскому революционеру.

Применительно к столицам Казахстана и Украины в первом случае это — Абай Кунанбаев и Богдан Хмельницкий, памятник которому в Киеве, к счастью, пока остается на своем месте; во втором — Алиби Джангильдин и Турар Рыскулов, Петр Кропоткин и Григорий Петровский. Призванные воплощать практическую реализацию равенства и единства братских народов, они повсеместно дополнялись увековечением представителей «социалистической по содержанию и интернациональной по форме» советской культуры (Жамбыл Жабаев и Александр Довженко, Дина Нурпеисова и Михаил Стельмах и др.). Регламентированное изобразительное искусство получало творческое воплощение в тех случаях, когда «задание партии» не просто совпадало с талантом настоящего мастера, а вдохновлялось его уникальной способностью соотносить, переплавить, перекодировать официальные символы и сделать их идентифицирующим фактором и органичным образом синкретического неомогенного целого, которым стало согражданство народов СССР.

Замечательные доказательства тому — эстетически безупречные интерпретации советского варианта социальной и интернациональной солидарности «Рабочий и колхозница» В. Мухиной и находящийся неподалеку на ВДНХ-ВВЦ знаменитый фонтан «Дружба народов». Державная мощь и самодостаточность государства как высшей силы, патриотизм и социальная ответственность и взаимовыручка, трудолюбие и коллективизм, искренняя дружба и целомудренная интимность частной жизни, являвшиеся неотъемлемой частью самосознания и духовности народов нашей страны, оказались устойчивыми, адаптивными и способными к поддержанию баланса в сложносоставном обществе, а затем и к быстрому возрождению, казалось, напрочь искорененных самобытных способов этнокультурной эстетизации окружающей среды.

Особое место в конструировании и закреплении социокультурного единства советских людей играли памятники, связанные с их бессмертным подвигом в годы Великой Отечественной войны. Не случайно после распада СССР именно вокруг них развернулась в ряде новых государств нешуточная борьба, отражающая болезненные перипетии обретения новой идентичности. Всем памятно неприглядные действия эстонских властей по демонтажу памятника Воину-освободителю в Таллине в 2007 г. Не менее символически с точки зрения попыток власти «демонтировать» и перекрыть сознание своих граждан факт сноса в 2008 г. памятника дружбы народов в Ташкенте, открытого в мае 1982 г. (скульптор Дм. Рябичев). Показательно и то, что узбекский вариант исторического вандализма не затронул внимание общественности, в отличие от эстонской истории.

Монумент был посвящен ташкентскому кузнецу Шаахмеду Шамахмудову и его жене Бахри. С 1941 по 1943 гг. они усыновили 15 сирот из разных республик СССР. Среди детей были русские, белорус, молдаванин, еврейка, латыш, казах, немка и татарин. Только за один 1943 год пожилой и небогатый кузнец стал отцом 4 детей — белоруски Раи

*Монумент ташкентскому кузнецу
Шаахмеду Шамахмудову*

Мальцевой, татарки Малики Исламовой, русского Володи Урусова и мальчика, который не помнил ни своего имени, ни происхождения. Шамахмудов назвал его Ногмат — по-узбекски «дар». В контексте актуальных проблем межэтнического взаимодействия современных россиян и трудовых мигрантов из Узбекистана пример этой семьи выглядит особенно поучительно.

Все же большинству политического класса и общественности бывших советских республик хватает здравого смысла, чтобы не разрывать смыслообразующую ткань преемственности поколений и нравственных ценностей, скрепляющих сограждан не границами и паспортами, а общими исторической памятью и национальной гордостью, дающими надежду духовной стойкостью и бессмертной славой предков.

В то же время именно перелом эпох конца прошлого столетия обнажил амбивалентный характер и сложное переплетение идентифицирующих факторов в сознании и системе жизненных ориентиров, традиций и новаций в культуре народов бывшей империи, воплощенных в изобразительной пластике городской среды. Она не только навязывала вполне определенные стандарты интерпретации Добра и Зла, но и весьма точно оценивалась общественным мнением, как правило, концентрированно выраженным в язвительных анекдотах, частушках, эпиграммах. Приведем пример: «Ленин и Луначарский на выставке художников-футуристов в 1920 году. — Ничего не понимаю! — говорит Ленин. — Ничего не понимаю! — говорит Луначарский. Это были последние советские вожди, которые ничего не понимали в искусстве». Еще один: «Кто такой Хрущев? — Мелкий художественный критик эпохи Эрнста Неизвестного». Фольклор позволял не только переработать и внедрить в действительность противоречия между пропагандой и жизнью, но и интерпретировать официальный дискурс в контексте архетипиче-

ских свойств этничности и общих гуманистических идеалов.

Многочисленные композиции и «статуи», изображавшие исполненных чувством социального превосходства трудящихся, пышущих здоровьем и атлетической силой спортсменов, стали неизбежным и заурадным фоном городской жизни, вряд ли способным очаровать население и туристов. Неслучайно пресловутая «девушка с веслом», сыграв свою роль в конструировании советского феминизма, в поздней истории СССР стала хрестоматийным примером бюрократической стандартизации жизненного пространства, поводом для бесчисленных пародий и насмешек над искусственным, но не искусным, навязанным символом бездарного и удушающего творческого начала администрирования, нивелирующей этатизации сложных культурных практик советской полиэтничной нации. Показательно, что в советское время крайне мало были распространены скульптурные воплощения природных объектов, соотносящихся с этнокультурным восприятием и преобразованием биологического разнообразия национальных республик.

Распад СССР и строительство новой государственности на его территории сопровождались глубокими трансформациями в самоидентификации граждан и самих субъектов международного сообщества. К тому же принципиальная особенность современной ситуации — повсеместный рост стремления представителей разных социальных групп сохранить этнокультурную идентичность и самобытность как ответ на нивелирующие эффекты глобализации. Это, в частности, выражается в возрождении национальных традиций и обычаев, этноконфессиональных форм и организации повседневных практик, в т. ч. в одежде, питании, досуге, демографическом поведении, образовательной и воспитательной сферах, в организации и эстетизации ландшафта, особенно городского. Как отмеча-

ет специалист, универсальным принципом хронотопа традиционной культуры являются не только разделение пространства на природное (неосвоенное) и культурное, но и действие другой дихотомии: «чужое — свое» [3, с. 37].

В большинстве своем гетерогенные по этническому составу, постсоветские общества тем не менее конструировали коллективное «Я» на основе этнизации институтов власти и управления, символов и атрибутов суверенности, форм и средств презентации «независимого» функционирования, реализации внутренней и внешней политики. Безусловно, острая потребность в самоутверждении была объективной, к тому же, начиная с политики перестройки, стали быстро заполняться лакуны, связанные с запретными именами репрессированных национальных деятелей. Их возвращение в культуру и самосознание граждан новых государств сопровождается возведением разнообразных памятников, аккумулирующих всю палитру сложных переживаний социальных групп и индивидуальностей и наполнения новым содержанием их идентичности.

Однако национализирующая стратегия новых государств, направленная на конструирование национальной и гражданской идентичности населения в соответствии с новой политической реальностью, нередко реализуется через неоленинский, тоталитарный подход к утверждению самостоятельности и дееспособности. Этнографический романтизм в переоценке прошлого, развитии государственных языков на основе вытеснения русского, «национализации» топонимики, организации социального пространства реализуется противоречиво. Это приводит не только к столь необходимой

стабилизации фундаментальных основ самоопределения и консолидации обществ, но и институционализации этничности, преподносимой в качестве лучшей версии самодостаточного функционирования и оптимистичного будущего.

Обратимся к конкретным примерам. В столице независимой Украины множество скульптурных символов единства прошлого и настоящего: образ Андрея Первозванного и знаменитые основатели Киева Хорив, Кий, Шек и сестра Лыбедь в ладье на Днепровской набережной, реконструированные Золотые ворота с Ярославом Мудрым, 102-метровый монумент «Родина-мать» как вершина комплекса «Национальный музей истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.», возведенный в 1981 г. в месте форсирования Днепра в 1943 г.

Памятник основателям Киева. Фото Д.А. Аманжоловой

Не менее впечатляющим, но уже не монументальностью, а пронзительной интимностью, стал скульптурный портрет уникального актера, сценариста и режиссера Л. Быкова (автор В. Щур) поблизости от Аллеи Славы и вечного огня, воплощенный в образе капитана Титаренко из знаменитого фильма «В бой идут одни старики». Памятник погибшим летчикам, открытый в ноябре 2001 г., не случайно воплощает образ народного любимца советской эпохи — Леонид Быков, пожалуй, особенно орга-

нично воплотил неразрывность русского, украинского и общегражданского в культуре огромной страны, оберегающей народной мудростью талант и соработничество разных народов. К тому же, талантливое произведение скульптора всегда создает атмосферу «Иного Мира», формируя качественно отличный пространственно-временной континуум, где человек «собирает себя», отрешается от повседневной суеты и соотносит свое «Я» с базовыми компонентами и символами идентичности, освобожденными на время досуга от обывательской рутины.

Между тем в Киеве появилось немало скульптурных портретов ярких персонажей украинской культуры – героев пьесы М. Старицкого «За двумя зайцами» Прони Прокоповны и Свирида Голохвастова (В. Шур, 1999 г.), романа И. Ильфа и Е. Пе-

Системообразующее значение в политическом конструировании этнической идентичности украинцев, во многом противопоставленной интегративной модели советского периода, имеет памятник М.С. Грушевскому – избранному 29 апреля 1918 г. Центральной Радой первому президенту Украинской Народной Республики. Он установлен рядом со зданием нынешнего Дома учителя, где и располагалась Центральная Рада, возглавлявшаяся Грушевским. Не менее симптоматично, что профинансированный столичным бюджетом проект Н. Кислого был открыт 1 декабря 1998 г. – в 7-ю годовщину всеукраинского референдума, по результатам которого была провозглашена независимость Украины. К тому же монумент освятил бывший епископ Русской Православной Церкви, лишенный сана в 1992 г., отлученный от церкви и преданный анафеме в 1997 г., т. н. Патриарх Киевский и всея Руси и Украины Филарет (Денисенко). Стоит подчеркнуть, что «Украинскую православную церковь Киевского Патриархата» не признает ни одна из поместных православных Церквей.

Самостояние через противостояние прошлому, переносимому националистически настроенными политиками и структурами на противопоставление России, стало, к сожалению, негодным, но довольно удобным способом определения источника и виновника проблем, сопровождающих становление молодых государств. Важным символом такого противостояния стал и памятник жертвам голодомора на Украине, открытый в 60-ю годовщину трагической для всех народов СССР коллективизации (В. Перевальский, Н. Кислый) Национальный музей «Мемориал памяти жертв голодоморов на Украине» в парке вечной славы. В президентство В. Ющенко голодомор стал трактоваться властями

*Памятник погибшим военным летчикам.
Киев. Фото Д.А. Аманжоловой*

трома «Золотой теленок» Михаила Самуэлевича Паниковского (В. Шур, 1998 г.), «Нос» Николая Гоголя (О. Дергачев, 2006 г.). Они, как и аналогичные герои местной мифологии и художественной жизни во многих городах России (Нижний Новгород, Пятигорск, Омск и др.), придают им своеобразный колорит, играют привлекательную роль в организации туристических маршрутов и всевозможных празднеств.

как сознательный геноцид именно украинского народа со стороны России. Сегодня эта позиция властями страны не поддерживается, но тема голода служит одним из факторов формирования украинской национальной идентичности [4].

Итак, городская скульптура Киева сегодня весьма точно отражает противоречивый процесс самоидентификации украинского общества, его тесную связь с политической конъюнктурой и борьбой интересов вокруг презентации государства для «внутреннего» и «внешнего» потребителя, необходимостью утвердить в массовом сознании его способность полноценно отражать и удовлетворять запросы самых разных, нередко противостоящих друг другу социальных групп. Однако социально-культурный раскол украинского общества продолжается, ярко отражаясь в попытках лавирования руководства страны при выборе внешнеполитических приоритетов, в итоге о консолидированной идентичности украинских граждан говорить рано.

Мемориал памяти жертв голодоморов на Украине

Еще один показательный пример представляет скульптурный образ столицы Казахстана. Бывший Акмолинск-Целиноград с 10 декабря 1997 г. является новой столицей страны, 6 мая 1998 г. город был переименован в Астану. Архитектурный облик города создавался по проекту Кисе Курокавы, в его формировании участвовали специалисты Казахстана, Германии, Великобритании, Болгарии, Швейцарии, стран Востока. Многонациональный коллектив воплотил в проекте лучшие тенденции мировой архитектуры третьего тысячелетия. Его отличительная черта — стремление обеспечить единство между сложившейся и новой частями города за счет закрепления основных композиционных осей старого и его перехода в новый центр, формирования комфортной среды жизнедеятельности, а также гармоничное соединение элементов восточной и западной культур в соответствии с евразийской концепцией руководства страны.

Поразительно быстро созданный в степи город активно дополняется скульптурными символами не просто столичного лоска, но в первую очередь — уникального характера казахской культуры и народа, соединившего в своей идентичности тентрианство и ислам, мобильность, хозяйственную организованность и рациональное взаимодействие кочевника с суровым природным миром — с умением успешно и творчески осваивать современные технологии, социально-культурные и политические инструменты модернизации. Молодое, переживающее социальный оптимизм и амбиции состоявшегося государства, казахстанское общество по праву гордится образом своей столицы. Не случайно символом города стала скульптура «Астана» в образе юной девушки (член Союза художников РК А. Баярлин, 2002 г.). Одним из наиболее популярных мест отдыха и обязательным пунктом туристических маршрутов является монумент «Астана — Байтерек» (2002 г.). Он расположен в новом центре на левом бере-

гу реки Ишим, на главной оси резиденции Президента перед Новой площадью Правительства. 97-метровая высота символизирует год переноса столицы Казахстана в г. Акмолу. В подземной части сооружения находятся кафетерий и большой аквариум, в стволе весом 695 т работает лифт, по которому посетители попадают на вершину — в шар диаметром 22 м, где с площадки обозрения открывается замечательный вид на столицу [6].

Скульптурные ориентиры ярко воплощают эти настроения, чувства и переживания возрождающейся и вовлекающейся в мировые культурные связи поликультурной общности казахстанцев и жителей Астаны. Растущее преобладание этнических казахов в стране и столице отражает ведущие тренды конструирования идентичности. В реализации этой задачи власть стремится укрепить чувство межкультурной солидарности казахстанцев как патриотов общей для представителей всех народов Родины, опираясь на сохранившиеся традиции комплиментарного сожительства разных культур. Отметим, что комплиментарность у читаемого в Казахстане Л.Н. Гумилева — ощущение взаимной симпатии разных этнических общностей, к тому же сегодня она рассматривается как универсальный механизм развития и функционирования не только социокультурных институтов, но и различных систем ценностей и норм, культурных феноменов. Они взаимно дополняют друг друга в рамках некой социальной целостности, и потому ее значимость в жизни современных полиэтничных и поликонфессиональных обществ серьезно возрастает [5]. Примером такого подхода к конструированию идентичности и презентации толерантного образа страны и столицы служат памятни-

ки воинам Великой Отечественной войны, созданный и открытый к 50-летию победы в 1995 г. и решенный в стилистике 1960–1970-х гг., а также А.С. Пушкину у Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева, ставший подарком президента швейцарской фирмы «Merkatatraiding & engineering» В. Столповских (народный художник России А. Ковальчук, 1999 г.). В 2010 г. в Астане впервые в Центральной Азии был открыт памятник Папе Римскому Иоанну Павлу II работы итальянских скульпторов. Он размещен во дворе кафедрального собора Римско-католической Церкви — храма Божьей Матери Неустанной Помощи, олицетворяя политику экуменизма и межконфессионального согласия, которой придается большое значение в создании международного имиджа РК и обеспечении межкультурной интеграции казахстанцев. Наряду с сохранившимися советскими скульптурами эти и другие образы призваны формировать сознание преемственности культурных ориентиров и уважения к минувшему.

Новая столица Казахстана

Между тем вторым и особенно чувствительным направлением конструирования идентичности является этническое, вокруг которого порой разгораются нешуточные дискуссии. В рамках данной статьи

Скульптурно-художественная композиция, посвященная жертвам голода 1930-х годов

нет необходимости вдаваться в ее детали, связанные с целым комплексом исторически обусловленных и конъюнктурных факторов социально-культурного и политического развития Казахстана и казахского народа. Отметим, что скульптура стала важным инструментом возрождения чувства национальной гордости, встраивания этнического самосознания в систему приоритетов государственного строительства, актуальные процессы глокализации, призванной обеспечить и выразить взаимодополнительность гомогенизации и гетерогенизации культуры.

В частности, важное место в этой практике занимает реконструкция образов и символов прошлого, призванного доказать непрерывность и преемственность истории казахской государственности, политико-правовой культуры и духовных ценностей (скульптуры биев, акынов и сказителей). Особенное внимание уделяется историческим деятелям, сыгравшим активную роль в отстаивании самостоятельности казахских земель и борьбе с внешними угрозами. Прежде всего, это памятник хану Кенесары (скульптор Н. Далбай; архитектор Ш. Валиханов, 2001 г.). В советское время он оценивался как представитель реакционного феодально-монархического движения, тогда как теперь Кенесары Ка-

сымов (1802–1847) — символ и воплощение героической борьбы казахов в 1837–1846 гг. против колониальной экспансии Российской империи. Историческая роль хана, деспотично утверждавшего династический режим, боровшегося за возрождение ликвидированной правительством России ханской власти, плененного и убитого в киргизском плену, воспета в народных сказаниях и по-прежнему активно обсуждается учеными и общественностью. В этом же контексте «перекодирования» исторической памяти общества и утверждения националь-

но-государственной самостоятельности, особенно среди молодежи, следует рассматривать открывающиеся в последние годы памятники репрессированным казахским деятелям — политикам, писателям, ученым (С. Сейфуллин, 1994 г. и др.). 31 мая 2012 г. в столице Казахстана была презентована монументальная скульптурно-художественная композиция, посвященная жертвам голода 1930-х годов, с участием глав делегаций состоявшегося в эти дни IV съезда лидеров мировых и традиционных религий. В республике от голода погибло не менее 1,5 млн человек, и эта страшная цена сталинской модернизации сегодня, как и для Украины, служит аксиологическим параметром исторического сознания общества [6, 7].

Еще одна примета актуализации этнокультурной матрицы идентификации казахского общества — многочисленные скульптурные ассоциации с богатым и разнообразным миром природы: на улицах и площадях Астаны, да и многих областных центров Казахстана, можно встретить изображения беркута, охотой с которым издавна славятся казахи, а отношение к этой птице нашло отражение в поверье, что дом, где есть беркут, избегает нечисть, в народном танце с одноименным названием; а также неизменного спутника кочевника — лошадь, аистов, барса и верблюда [8]. У здания

цирка посетителей встречают окружающие фонтан слон, медведь, леопард и другие жи-

вотные, над которыми в центре композиции возвышается фигура эквилибриста.

Нашли свое место в этом многоцветье и сказочные герои [8]

Особенностью современного облика Астаны является также обусловленная задачами конструирования идентичности общества и государства ассоциативная связь пластических композиций и артефактов с тюркским и исламским миром, восточной эзотерикой, встроенной в хайтековский мир небоскребов, вмещающих офисные учреждения и весьма комфортабельное жилое пространство горожан. Не менее зрелищно смотрятся и постмодернистские образы из металла, бетона, стекла и пластика, призванные совместить традиции с инновационным будущим страны [8].

Разнообразие творческих выражений и очевидных подражаний в молодой столице может вызвать некоторое замешатель-

ство, однако «в сухом остатке» мы находим подтверждение динамичному и открытому, не всегда безошибочному поиску власти и общества, стремящихся в мире, полном непредсказуемости, рисков и увлекательных перспектив, найти и утвердить оригинальное, самостоятельное, целостное и самодостаточное выражение своей становящейся сущности, неразрывной связи ее внутренней органики с другими народами и хронотопами.

Городская скульптура Киева и Астаны — выразительное свидетельство общих и особенных практик становления национализирующих государств, взаимодействия традиций и инноваций в культуре и общественном сознании, противоречий, силь-

Новые скульптурные композиции

ных и слабых сторон ревитализации этничности на фоне объективно востребованной гражданской идентификации современного человека, неумолимо вовлекаемого в интенсивно усложняющийся мировой культурный процесс. Сложный процесс согласования параметров этнической и гражданской идентичности в постсоветских обществах не завершен, а новые испытания и вызовы из прошлого, совмещаясь с настоящим, требуют солидарной ответственности народов и их элит перед будущим.

Создатель теории социального поля П. Бурдье отмечал: «Чтобы несколько прояснить дискуссию по поводу «народа» или «народного», достаточно подумать, что «народ» или «народное» (народное ис-

кусство, народная религия, народная медицина и т. д.) служит прежде всего ставкой в борьбе между интеллектуалами». Истинными субъектами традиционной культуры в массовом обществе являются не те, кто ее создают и «потребляют», а те, кто ее транслируют, кто владеет коммуникативными каналами. Это, как верно подчеркивает А.В. Захаров, — даже не все интеллектуалы и не все творческие работники, а лишь их небольшая часть, имеющая непосредственный доступ к информационным, финансовым, политическим ресурсам [9]. Таким образом, одним из самых важных является вопрос об ответственном управлении культурным производством в истинно национальных интересах общества как гражданского целого.

Литература

1. См.: Арутюнов С.А. Силуэты этничности на цивилизационном фоне: Монография. М.: ИНФРА-М, 2012. 416 с.
2. См.: Иванова И.В. Скульптура и город. М.: Стройиздат, 1975; Турчин В.С. Монумены и города. М.: Советский художник, 1982; Базазьянц С.Б. Художник, пространство, среда. М.: Советский художник, 1983; Иконников А.В. Искусство, среда, время. Эстетическая организация городской среды. — М.: Советский художник, 1985; Скульптура в городе: сб. ст. / сост. Е. Романенко. М.: Советский художник, 1990; Гаврилов В.А. Пластические новации в скульптуре XX века: Дисс. ... канд. искусствования. СПб., 2004 и др.
3. Дмитриев В.А. Пространственно-временное поведение в традиционной культуре народов Северного Кавказа. Автореф. дисс. ... д.и.н. СПб., 2010.
4. «Пшеничное поле» для Вашингтона // Взгляд. 2013. 12 августа. URL: <http://vz.ru/world/2013/8/12/645316.html> (дата обращения: 2.11.2013).
5. См.: Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии. М., 1993; Его же. Этногенез и биосфера Земли. М., 1994; Межуев В.М. Глокализация // Теоретическая культурология, 2005; Фатеева С.В. Комплементарность в экономической культуре: понятие, формы и механизм действия: понятие, формы и механизм действия: Автореф. дис. ... д. филос. наук. Ростов н/Д, 2006.
6. URL: <http://images.yandex.ru> (дата обращения: 4.11.2013).
7. Алексеенко А.Н. Население Казахстана в 1926–1939 годы // Компьютер и историческая демография / Ред. В.Н. Владимиров. Барнаул, 2000. Эл. ресурс. <http://history1997.forum24.ru/?1-10-0-00000022-000-0-0-1228552076> (дата обращения: 17.08.2012); Правда о голоде 1932–1933 годов. Аяган Б.Г., Кыдыралина Ж.У., Ауанасова А.М. и др. Алматы: Литера-М, 2012. С. 243, 301–302.
8. Фото Н.Р. Букейханова.
9. Бурдье П. Начала. М., 1994. С. 222; Захаров А.В. Традиционная культура в современном обществе // Социологические исследования. 2004. № 7. С. 105–115.